

Ын Юль в задумчивости смотрел на тест на беременность.

Две чёткие полоски — подтверждение беременности. Подняв голову, он посмотрел в зеркало.

В старом зеркале с отколотым краем отразилось лицо юноши.

Чёрные, как смоль, волосы и на их фоне — необычайно светлые карие глаза, в которых чётко читался цвет радужки. Аккуратный нос, не слишком высокий, но изящно вытянутый, придавал лицу аристократические черты. Приподнятые уголки губ очерчивали гладкую линию. В целом — привлекательная внешность.

Если рассматривать каждую черту отдельно, лицо было вполне достойное, но общая картина вызывала одно лишь чувство — жалость.

Волосы были спутаны, словно вырваны клочьями. Кожа под глазами синеватая, взгляд усталый. Одна щека впалая, другая ненормально опухшая. А губы... даже говорить не стоило — сильно потрескавшиеся, с шелушащейся кожей.

— Значит... — губы Ын Юля, смотревшего на своё отражение, дрогнули. От побоев саднило разбитое место у рта, опухшая щека пульсировала болью, заставив его ненадолго замолчать. Потом он продолжил:

— После того как главный герой меня до последнего не опускал, я сбежал, лишь бы не попасться другому альфе... и в довесок ещё и забеременел?

И именно в этот момент я и очутился здесь?

— Серьёзно?.. Ну, если уж переселять, так нельзя было раньше, пока всё не потеряно? Это ведь худший из вариантов.

Родители этого тела умерли, а оставшееся наследство он промотал на всякие мерзости. В итоге у него в руках остались лишь подачка в пятьдесят от главного героя.

Проблема была в жадности — захотел отодвинуть другого героя и занять его место. За это и поплатился: лишился денег, едва не угодил в лапы бандитов, а теперь ютился в обшарпанной гостинице. И вот в довершение всего тест на беременность показал две полоски.

— Чёрт... я ведь не этого хотел... — у Ын Юля не осталось ничего, что можно было бы потерять.

— Бабушка, это же обман. Вы же сказали, что дальше будет лучше.

Он закрыл лицо руками.

Жизнь Ын Юля до переселения тоже была на самом дне. Даже работая на стройке и с трудом перебиваясь изо дня в день, он не мог выбраться из нищеты. Он родился сиротой, и всё, к чему ни стремился, упиралось в деньги. В этом мире всё требовало денег.

В один из таких беспросветных дней он встретил странную старуху с необычной силой. Та предложила ему сделку: отдаёшь тело — и я переселю тебя в другое.

Звучало нелепо, но Ын Юль словно под гипнозом согласился. Ведь в его жизни и так не было будущего, а тут хоть ненадолго можно было ухватиться за иллюзию надежды.

Старуха протянула три книги. Сказала, что он попадёт в этот мир, и велела прочесть.

Любопытство взяло верх, и он тут же сел читать.

Мир, где мужчины могут беременеть? Честно говоря, книга не пришлась ему по душе. Но выбора не было.

Он послушно дочитал — и результат оказался таким.

— Сон Ын Юль... — он и правда вселился в персонажа книги.

— Но почему именно Сон Ын Юль?

Ведь это антагонист: провёл ночь с альфой, а потом вообразил себя особенным, пока не рухнул в пропасть. И вдобавок забеременел.

— А конец у этого злодея... — Ын Юль напряг память.

Да, тот сам свёл счёты с жизнью. И... именно сейчас.

Он закончил в таком же обшарпанном трактире, встретив жалкий финал.

Старуха была доброй настолько, что подсунула ему тело прямо перед смертью.

— И что теперь делать? — ситуация мало отличалась от той, что была до переселения. Разве что теперь у него есть пятьдесят на руках и беременность.

Теперь он понимал, почему прежний владелец тела выбрал смерть. Он вырос в достатке, жил в

своё удовольствие, был любим и популярен. А потом рухнул на самое дно — не удивительно, что он не выдержал.

— Но я-то другой... — у Ын Юля и раньше не было ничего. Жизнь под тяжестью долгов, выживание изо дня в день. Даже пятисот у него никогда не водилось.

— Если подумать, всё не так уж и плохо, — для прежнего хозяина тела это был крах, но для Ын Юля — не пропасть.

— Ни долгов, есть деньги... — он коснулся своего живота.

— Есть и семья.

Да, впереди ждут трудности и лишения. Но раз уж он оказался в этом теле, он изменит свою судьбу.

Он будет бороться. Будет жить.

Кан Ха Джун молча окинул взглядом старую закусную.

Пожелтевшие обои, старомодная вывеска и единственное блюдо в меню, древний кулер, словно из прошлой эпохи. Половина зала — с низкими столами на полу, словно в деревенской избе, вторая половина — обычные столы и стулья. Несколько занятых мест принадлежали старикам, которые, похоже, пришли не поесть, а поболтать, будто в деревенском павильоне.

Жёсткий и тесный стул скрипел под его весом, вынуждая сидеть почти неподвижно.

— Пусть заведение выглядит ветхим, но готовят здесь вкусно, — сказал его спутник.

Это была вовсе не приличная ханчжоншик, а захудалая забегаловка. Кан Ха Джун едва сдерживал выражение недовольства на лице. Но иного выбора не было: он пришёл не есть, а поговорить с депутатом. Значит, жаловаться было глупо.

— Атмосфера... уютная, — ответил он нейтрально, и в этот момент перед ними поставили посуду.

— Вот-вот. Я случайно наткнулся на это место, и оказалось, что тут настоящий скрытый гурмэ. И к тому же у хозяев есть один очень заботливый мальчишка. Вон он идёт, — депутат Хан Чхоль Сын просиял, махнув рукой.

— О, вы уже пришли? — раздался за спиной бодрый голос.

Кан Ха Джун хотел обернуться, но воздержался: противный скрип стула отвлекал его сильнее.

— Где был?

— У бабушки по поручению. Лук закончился, пришлось бегать на рынок.

Юноша явно был энергичным и жизнерадостным — он сразу оживил атмосферу. Даже старики за соседними столами наперебой заговорили с ним.

— Эй, а нельзя было купить в лавке по соседству? Что толку, что на рынке лук на 500 вон дешевле, если дорога туда-обратно на автобусе дороже?

Юноша прошёл мимо Кан Ха Джуна и поставил сетку с луком, хлопнув себя по пояснице. Судя по ворчанию, он был внуком хозяйки.

— Ах ты паршивец. Надо было пешком идти, зачем автобус? — из кухни вышла старушка и принялась колотить его по спине.

Парень лишь склонился, не пытаясь уклониться. Видимо, привык. Все вокруг засмеялись, даже депутат Хан.

— Бабушка, как я мог пешком такое тащить? И вообще, вы не поэтому у соседей не покупаете, а потому что вчера в «косы» все деньги спустили, да?

— Ах ты!.. — удары посыпались с новой силой.

— Ай! Ай-ай-ай! Больно же, бабушка! — юноша завертелся, пытаясь увернуться. В этот момент его лицо оказалось на виду.

Лицо у него было на редкость привлекательным. Чем дольше Кан Ха Джун рассматривал, тем сильнее хмурился.

«Где-то я его видел...»

Лицо было до боли знакомым. Но сразу вспомнить он не мог, и потому всматривался ещё внимательнее.

— Бабушка, хватит уже! Люди же смотрят! Я ведь не ребёнок, я взрослый человек! Слышите? Взрослый!

— Взрослый? Да чепуха! Молоко ещё на губах не обсохло, а туда же!

— Вот из-за таких бабушек все проблемы. Если человек младше на пятьдесят лет, так он уже и не взрослый?

— Что-о?

Парень резко распрямил спину. Бабушка Лим Бон Су на миг растерялась, а он выкрикнул:

— Да я только здесь ребёнок, а вне дома я — взрослый! И не просто взрослый, а ещё и очень милый, мягкий и...

Он сжал кулачки, будто пытаясь что-то изобразить. В этот момент их взгляды с Кан Ха Джунном встретились.

— ...

— ...

Молчаливая схватка глазами. Первым отреагировал Ын Юль.

«Это же Кан Ха Джун!»

Он беззвучно ахнул, рот его распахнулся. Ошибки быть не могло.

Он слишком хорошо знал его лицо: по телепередачам, по журналам, по любым заметкам, где оно мелькало.

Он специально зубрил, чтобы, если вдруг встретит — сразу узнать и сбежать. И как же можно было ошибиться, если даже у главного героя имелся ребёнок, вылитый Кан Ха Джун?

Главный герой этого романа — и отец ребёнка.

«Что он здесь делает?»

В такое заведение Кан Ха Джун никогда бы не пришёл. До сих пор Ын Юлю удавалось жить, не сталкиваясь с ним. Но внезапная встреча выбила почву из-под ног. Однако, глядя в глаза Ха Джуну, который продолжал просто смотреть на его лицо, Ын Юль заметил нечто.

«Он меня не узнал?»

Хотя тот нахмурил брови, выглядело так, будто это было не оттого, что он понял, кто перед ним.

Ын Юль быстро сообразил, оборвал прежнюю фразу и, обернувшись, договорил:

— ...правда же. Да. Я ведь очень милый, да? Правда, дедушка?

Он лукаво обратился к старику, который с радостью зааплодировал, и, будто убегая от Лим Бон Су, юноша поспешил на кухню. На деле же он прятался от Кан Ха Джуна.

— Думаешь, если тихонько сбежишь, тебя не найдут? Сейчас похмельный суп принесу, подождите, — бросила Лим Бон Су депутату Хан Чхоль Сыну и пошла за Ын Юлем.

Вскоре шум стих, и в закуской вновь воцарилась прежняя тишина. За исключением одного человека — Кана Ха Джуна.

Лицо юноши он точно где-то видел, но воспоминания никак не всплывали.

— Простите за шум. Иногда так бывает, не обращайтесь внимания, — заговорил Хан Чхоль Сын, отвлекая задумавшегося Кан Ха Джуна. Тот очнулся и посмотрел на собеседника. Напомнив себе, что пришёл сюда ради него, он словно туманом затянул в памяти черты лица только что встреченного юноши.

Ын Юль, прижавшись к стене, пытался унять дыхание, но сердце билось так сильно, что сбивалось на тяжёлые вздохи. Сколько бы он ни сомневался, кем был тот человек, ответ всегда один — Кан Ха Джун.

Хотя он дышал, в груди не хватало воздуха. Он колотил себя кулаком в грудь и в конце концов осел на пол. Ударил в солнечное сплетение — оказалось, что от волнения прихватило желудок.

«Что Кан Ха Джун здесь делает?» — Ын Юль в отчаянии схватился за голову.

«Спокойно. Он явно пришёл с кем-то. Просто так он бы сюда не пришёл, значит, во второй раз его здесь не будет.»

Он твердил себе, что всё не так страшно, но тревога не отпускала.

— Лук один тащил, а уже сдох, — раздался за спиной цокот языка Лим Бон Су, которая вошла следом. Ын Юль растерянно поднял взгляд.

— Бабушка...

— Что это у тебя за мутные глаза?

— Скажите... если сравнить, какой я был тогда и какой сейчас?

— А что тут сравнивать. Сначала был бродягой, а теперь... бродяга, только почище.

— То есть всё равно бродяга... но всё же я изменился с тех пор?

— Ты чего, ахинею городишь? — голос старушки становился всё резче, видно было, что ей надоело подыгрывать его настроению.

— Нет, я серьёзно... Когда вы на меня смотрите, я вам напоминаю того себя, прежнего?

— А как же иначе? Что, у тебя глаза сменились или губы другие стали?

Она буркнула, будто слышала самую глупую в мире чушь, и отвернулась, занявшись горелкой. Ын Юль опустил голову. Ему не было обидно от её ворчания — вопрос изначально был дурацкий.

— Но сразу-то всё равно не узнают, — добавила она.

— ...Бабушка?

<http://bllate.org/book/14449/1277803>